

culture@izvestia.ru

ФОТО: AP

После фильма «Беги, Лола, беги!» Франка Потенте и Моритц Бляйтрой снова любят друг друга в «Элементарных частицах»

АКТЕРЫ **ФРАНКА ПОТЕНТЕ И МОРИТЦ БЛЯЙТРОЙ:**

Известия - 2006 - 15 апрель - с. 10

«Наши герои одиноки, а при этом не важно, француз ты или немец»

Через восемь лет после прославившего их фильма Тома Тыквера «Беги, Лола, беги» Франка Потенте и Моритц Бляйтрой вновь встретились в фильме Оскара Роелера «Элементарные частицы» по знаменитому роману Мишеля Уэльбека. Две признанные звезды немецкого кинематографа решили не расставаться даже для интервью и на вопросы корреспондента «Известий» Игоря Потапова отвечали вместе.

ИЗВЕСТИЯ: Вам удалось встретиться с Уэльбеком на съемках?

МОРИТЦ БЛЯЙТРОЙ: Ему это было не нужно. Плевать он на это хотел.

ФРАНКА ПОТЕНТЕ: Я не знаю, хотел ли он плевать на нас, по-моему, его во время съемок искали и просто не нашли. Я читала несколько интервью с ним, и мне понравилось, что он выглядит в них как достаточно милый и спокойный человек. Он показался мне интеллигентным и остроумным собеседником, способным положить на лопатки любого журналиста, задающего ему вопросы. Я слышала, что он может показаться грубоватым, но в тех интервью, что я видела, Уэльбек производил впечатление очень вежливого человека.

БЛЯЙТРОЙ: Я знаю, что наши продюсеры искали его и для того, чтобы пригласить на съемки, и для того, чтобы пригласить на премьеру, но он затерялся где-то в Европе. Вот почему мне кажется, что ему все равно, как его книга будет выглядеть на экране. Оливер Бербен, который как раз и пытался определить местонахождение Уэльбека во время съемок, рассказывал мне, как встречался с ним еще на стадии работы над сценарием. По его словам, все, что интересовало Уэльбека, — это как бы неплохо поразвлечься в Берлине, а на вопросы относительно книги он и не старался отвечать. Вот почему я думаю, что такая мелочь, как экранизация, его не заботит. Когда он встречался с Оскаром, нашим режиссером, они поговорили всего полчаса: три вопроса, три ответа — и все.

ПОТЕНТЕ: Мне кажется, что причиной тому все-таки внутренняя застенчивость Уэльбека. Он сделал свое дело, написал книгу, и дальнейшая интерпретация уже не его забота. Если вы приходите на вернисаж, художник ведь не стоит рядом со своей картиной и не объясняет, что именно он имел в виду.

ИЗВЕСТИЯ: Но ведь в сценарии исчезли очень многие эпизоды из книги, неужели Уэльбека это не волновало?

ПОТЕНТЕ: Когда я читала книгу, я не смогла закончить ее за один присест. Не из-за

того, что она такая уж длинная, а из-за того, как сложно она написана и о каких сложных вещах говорит. Фильм хорош тем, что его можно посмотреть сразу от начала и до конца и получить полное представление о книге.

ИЗВЕСТИЯ: Действие книги происходит в Париже, действие фильма перенесли в Берлин. То, что ваши персонажи изначально были французами, вам не мешало?

ПОТЕНТЕ: Наши герои одиноки, а при этом не важно, француз ты или немец. Заго у меня есть ощущение, что Уэльбек все-таки писал про другое поколение, к которому я себя не отношу. Они были молоды, питали какие-то надежды и иллюзии, а потом вдруг оказались на середине своей жизни и с удивлением смотрят по сторонам: чего я достиг? К чему я стремлюсь? Как правило, ответы на эти вопросы не приносят ничего, кроме разочарования. Не думаю, что я уже доросла до этой стадии рефлексии над собственным прошлым.

ИЗВЕСТИЯ: Когда Брюно говорит Кристиане: «Мне кажется, я люблю тебя», по-вашему, это проявление неуверенности, свойственной современной цивилизации?

ПОТЕНТЕ: Я думаю, в этом как раз вся красота их отношений. Это честность. Зачем говорить: «Я люблю тебя», если сам еще не разобрался в своем чувстве? «Мне кажется, что люблю тебя» звучит гораздо трогательнее. И в этом больше правды.

БЛЯЙТРОЙ: Единственная причина, по которой они могут быть вместе, состоит в том, что оба уже потеряли всякую надежду. Они приблизились к смерти, оба потеряли смысл жизни. Они не могут безоглядно влюбляться просто потому, что потеряли надежду и утратили возможность требовать чего-то от своего партнера. Любовь вся состоит из завышенных требований, которые мы предъявляем к своим возлюбленным, а этим героям не на что надеяться. И это их сблизжает. Обычно ведь как раз обманутые ожидания убивают любовь. А эти двое не обманывают друг друга, они честны. Поэтому они с такой легкостью идут в секс-клуб и меняют там

партнеров. Они не думают о правилах, по которым обычно строится семья, строятся взаимоотношения между партнерами. В нашем обществе все подчинено строгим нормам, а эти двое выше норм. Они хотят доставлять друг другу счастье, и если откинуть правила, окажется, что способов сделать своего партнера счастливым гораздо больше.

ИЗВЕСТИЯ: Уэльбек как-то говорил, что его главные герои — Брюно и Мишель — персонификации пениса и мозга. Вам не показалось странным, что два брата, полные противоположности друг друга, в фильме выглядят лучшими друзьями?

БЛЯЙТРОЙ: Они общаются друг с другом так легко как раз потому, что настолько не похожи друг на друга. Брюно более импульсивен и говорит без умолку, а Мишель слушает его. Просто потому, что у него нет выбора.

ПОТЕНТЕ: У меня было ощущение, что Уэльбек сначала создал одного героя, а потом разделил его на две половинки. Брюно и Мишель изначально были одним существом и остались едины — как тело и разум.

ИЗВЕСТИЯ: Во время гала-премьеры фильма в фестивальном дворце публика очень живо реагировала на происходящее на экране и смеялась гораздо чаще, чем можно было ожидать. Вы не видите противоречия между такой реакцией зрителей и смыслом книги?

БЛЯЙТРОЙ: Не знаю, меня там не было.

ИЗВЕСТИЯ: Но вы же прошли по красной дорожке и даже уселись в зале...

БЛЯЙТРОЙ: Я потом сразу сбежал и пил шампанское со съемочной группой в фойе. Я не люблю смотреть свои фильмы.

ПОТЕНТЕ: Я не была на премьере, но думаю, что такая реакция публики была вызвана тем, что Оскар не стал переносить на экран весь цинизм и пессимизм книги. Я не могла бы смотреть стопроцентно циничный фильм, у меня бы было ощущение, что перед моим лицом только что захлопнули тяжелую дверь. Фильм должен открываться перед зрителем. Если зрители действительно смеются в моменты, которые можно назвать скорее трагикомическими, чем просто веселыми, это еще раз подтверждает старое правило — фильм сам по себе ничего не значит без зрителей, только во время показа он становится законченным произведением. А смех — самая лучшая реакция, его можно услышать и сразу понять, нравится публике кино или нет.